

В десятку!

— Вначале хотелось бы узнать, чем завершился скандал, связанный с обложкой первого номера журнала «Стас». Правда ли, что супруг героини реагировал весьма бурно?

— Прежде чем мы начнем интервью, хочу предупредить, что я очень слаб. В прошлую пятницу в Нескучном саду на рассвете я стрелялся с Филиппом Кирковым. Его секунданты были Владимир Пресняков-старший и Сергей Челобанов. Моими — Маша Распутина и София Ротару. Он открыл принесенную коробку с парой дульных пистолетов и предложил тянуть жребий. Мне выпало стрелять первым, и я выстрелил, естественно, в воздух. Он тоже, но пуля, отскочив от чугунной ограды, ранила сначала меня, а потом и его. К счастью, несмертельно. Врачи хотели меня госпитализировать, но дела, дела... Вот готовлю второй номер журнала.

— Кстати, о втором номере. Это правда, что на обложке будет Кобзон без парика?

— Это полная чушь. Бывают разного типа утки и слухи. Этот якобы «подтвержден» «Известиями». Мне это тем более неприятно, что даже шутить так — не в моем стиле. Хотя бы потому, что у того же Кобзона сейчас не самая легкая ситуация в жизни.

— А не желание ли это кое-кого поспорить Намина с околоскобозоновскими кругами?

— У меня есть своя собственная совесть и собственная жизнь. И я выработал иммунитет

— Ну, откуда я знаю. Я ничего не платил. Взток не давал. Меня даже в Москве в этот момент не было. По каким-то причинам дали частоты другим радиостанциям, не имевшим ни имени, ни авторитета, ни даже оборудования. Они просили нас, чтобы мы им продали радиопередатчик как более нам не нужный. Я думал, что парткомовские времена, когда пошущукались за стенкой и решили чью-то судьбу, прошли. Ведь все было: налаженный творческий процесс, обученный профессиональный персонал, классное оборудование. Кроме того, радиостанция уже имела солидную репутацию. Ан нет: посовещались и — отрубили голову.

— Ну и кому вы продали свою станцию?

— Не помню. Там были даже не станции, а так, заявки на вещание. Мы отдали все — зачем оно нам, без частот-то. И студию, и уникальный каталог наш. Мне показалось, что при демократии унизились пробивать такие вещи. Вот в доперестроечные времена было хотя бы понятно, с кем именно бороться. Вот она — преграда, и ее надо пробить. А сейчас вроде бы все свои, демократы. Да и унизились это. Что, не нужна пользующаяся популярностью станция? Ну и ладно. Я «пожилый» человек: пожил уже. Хватит, отборолся свое.

— Такая же судьба постигла и «Желтую подводную лодку»?

— Да, практически идентичная. И не только

фото с кинопроб «XX век Фокс»

Стас Намин: Свое отборолся. Хватит Фантазии эстетствующего декадента

на то, что в прессе время от времени какая-нибудь грязь появляется. Наша пресса стала настолько циничной, что даже абсолютно нормальные вещи, когда проходят через призму прессы, становятся скабресными, пошлыми. Вначале это раздражает, а потом не реагируешь. Ну видят некоторые журналисты именно в этом возможность стать популярными, сделать свою карьеру, найти остроту, соль и «жарености». По-моему, это удел тех, кому таланта не хватает. Да и всего остального.

— А может, это из зависти. Ведь никогда не занимавшийся профессиональной журналистикой Стас Намин издает весьма профессиональный журнал, который к тому же еще и хорошо «пошел»?

— Приятно слышать от профессионального журналиста, что он действительно удался. Правда, я не совсем из другого санатория: у меня филологическое образование, я читал лекции на журналистском факультете МГУ. Кроме того, закончил Высшие курсы режиссеров и сценаристов. Я не из велосипедного спорта пришел, хотя и профессионалом-журналистом себя не считаю.

— А у вас много завистников?

— Зависть вообще странное качество. Или Бог дает людям свободу от зависти, или он дает им зависть. Независимо от того, чем человек занимается, умный он или глупый, талантливый или бездарный. Если у него зависть есть как грех, от природы, то он всю жизнь будет от нее страдать. Как от дурной болезни. В свой круг я стараюсь не допускать людей, у которых злость, жельч или зависть перебарывают здравый смысл.

— А как получилось, что прекратила вещание радиостанция Стаса Намина?

— Ну, начать надо с ее создания. Когда она задумывалась, то вокруг еще была цензура, а теоретически вдруг стало возможным сделать собственный независимый «рупор». Это был сюрреализм. До нас была только «Европа плюс», которая не являлась частной радиостанцией. Два года за мой счет без какой-либо рекламы существовал этот абсолютно аполитичный и в то же время анархический рупор. И во время путча 1991 года заговорщики закрыли всего две радиостанции: «Эхо Москвы» и нас. Пришли автоматическими и закрыли. После путча я стал передавать через свою станцию новости Би-Би-Си, несмотря на призыв «Нам не нужно Би-Би-Си, будем слушать Эс-Эн-Си». Ну а затем, как музыкальная радиостанция, мы «переросли» средние волны. Надо было выходить на УКВ (ФМ), поскольку это дает возможность стереовещания. Обговорили все с тем, кто это решает...

— С кем именно?

— Да ну их, еще фамилии называть. Получили полное добро, купили французский стереопередатчик, поставили его на Останкинской телебашне, купили студию со всеми примочками, проложили стекловолоконный кабель. И ждали только отмашки комиссии по частотам Министерства связи. Все, что сидел в комиссии, предварительно дали нам добро. Но какие-то пружины сработали...

— Какие пружины? Деньги?

«ЖПЛ». Но и все мои программы на телевидении. Помните «Классику Голливуда»? С потрясающими фильмами, положительными героями, на которых выросла вся нормальная Америка? Вот эту передачу тормознули, а всю порнуху крутят.

— А как возникла «субмарина» на ТВ?

— Мы встретились с Лысенко, у которого (одного из немногих на телевидении) бывают полноценные творческие идеи, и он предложил мне сделать музыкальную программу. Я сделал. Вроде бы она хорошо «пошла». Но не всегда он командует парадом. Есть еще какие-то пружины...

— И в один прекрасный день...

— Нас не оказалось в сетке вещания. Несмотря на все договоры и контракты, которые мы заключали. Судиться с телевидением тогда было довольно трудно, поэтому мы потеряли

и деньги, и в какой-то мере репутацию — рекламодатели в нюансы телевизионной «схватки бульдогов под ковром» не вникают. Но я думаю, что с телевидением я окончательно не разорвал и, может быть, на каком-то более современном уровне еще возникну. И не обязательно с музыкальной передачей.

— А как вы считаете, совпадает ли образ, созданный по ТВ, с тем, чем артист является в жизни?

— Образ какого-либо музыканта создается лишь стереотипом мышления. Публика с трудом представляет какого-нибудь «трэш-металлиста» играющим, скажем, вальс. Но если музыкант и вправду профессионал, то он может сыграть все что угодно. Это же театр. Возьмем, скажем, Паука из «Коррозии». Он лицедействует, а в действительности он совершенно другой человек. Он тоже, кстати, воспитывался

в свое время в моем центре, и я знаю наперек, что это — театр. Дурацкий или смешной, пошлый или современный — это другой вопрос. Но это не самовыражение. Весь шоу-бизнес построен на театре, а там, где самовыражение, там нету места для шоу-бизнеса.

— А как видный шоу-бизнесмен Стас Намин относится к тому, что продюсеры платят музыкальным телепередачам за показ их «протеза» и сейчас уже не крик души на экране, не талант, а тот, кто смог отбашлять?

— Есть понятие рынок. На ТВ так же, как и на улице: дорого, потому что кто-то за это платит. Если бы не платили, то и не стоило так дорого. А платят-то почему? Значит, платя за эфир, они зарабатывают еще больше денег на концертах.

— Ну, на рок-музыке много, наверное, не заработаете?

— Рок-музыка — это не шоу-бизнес, поэтому она исчезает. Крик души не может быть эстрадой, он может совпадать с чувствами слушающих, но на этой зыбкой основе шоу-бизнес не сделается.

— Рок, по-моему, это музыка поколения сорокалетних.

— Каждое поколение выбирает себе рупор. Рок-н-ролл — действительно рупор поколения, которому сорок или около того. Новое поколение выберет себе что-нибудь другое.

— Ну не рэп же с хип-хопом?

— Да нет, я о музыке вообще не говорю. Рупором может стать телевидение, кино. Рок-н-ролл перестал быть рупором.

— Похоже, нынешнее поколение рупором изберет компьютер.

— У меня тоже есть такое ощущение. Только не персональный компьютер, а виртуальную реальность. Когда она станет усовершенствованной и одновременно доступной, тогда, я думаю, наступит перелом в человечестве. Как в момент появления рок-музыки, когда человечество поменяло и пластику, и одежду. Дизайн, тембр голоса, мировоззрение — все сменилось. Вот таким новым рупором может явиться виртуальная реальность. И тогда возможен коллапс, ведь все, на что способна человеческая фантазия, можно будет получить с помощью компьютера пусть в воображаемой, но реальности.

— Сменим тему. От Славы Фетисова я узнал, что вы знакомы?

— Да, он уехал за границу с помощью моей фирмы. Это было давно, тогда еще нельзя было подписывать контракты. Но мы с ним давнишние друзья, и когда он находился в подвесе, то я организовал его встречу с менеджером «New Jersey Devils» Лу Луморелло. Они подписали контракт и поехали от меня к Тихонову.

— А с чего вдруг композитор Намин обеспокоился судьбой советского хоккеиста и канадской команды?

— Ну, во-первых, Слава — парень действительно очень добрый и хороший. А во-вторых, это был прорыв и было очень интересно помать «железный занавес», который тогда существовал. После этого я организовал контракт Касатонову. И затем (правда, там уже было по-

легче) я точно так же через свою фирму отправил теннисиста Андрея Чеснокова. Люблю я такие революционно-смешные моменты. Когда даже трудно себе представить, что это возможно. А когда это превращается в обычную рутинную работу, то мне становится скучно.

— А какие скандалы запомнились больше всего?

— (У Стаса удивленное лицо.) Какие скандалы? Я ни одного скандала не знаю. Я вообще не скандальный человек. Я никогда не провоцировал ни одного скандала. А уж как они воспринимаются где-то там — не моя забота. Ну в чем, скажите, скандал, когда я предложил тело Ленина провезти по миру? Причем все вырученные деньги отдать пенсионерам-ленинцам. Сейчас он лежит посреди Красной площади. Причем в музее Ленина нет очереди, а на труп поглядеть — есть. Это разве не скандал? А так собрали бы экспозицию из всех ленинских музеев мира, а в качестве главного экспоната — пожалуйста, вот тот, о котором и шла речь.

— Существует ли концерт «Стас Намин» с какой-нибудь деятельностью, которая бы питала все фантастические проекты его основателя?

— Нет!

— А все слухи, что Намин давно уже торгует лесом, нефтью и недвижимостью?

— Я не занимаюсь никакой торговлей, никакой промышленностью. Более того, до сих пор ни один из своих проектов я не делал со спонсорами. Вот только сейчас я журнал сделал с партнером — Виктором Бондаренко. Симфонический оркестр, телепрограммы, балет на льду, рок-кафе, студия звукозаписи — все это делалось без дотаций, без кредитов, без инвесторов.

— На деньги Стаса Намина или на самокупамости?

— Бывало по-разному. Мало что окупалось, но делалось все — для кайфа. Весь рок-н-рольный центр не принес мне ни копейки, хотя там было много весьма известных групп. А вложил я очень большие деньги.

— Никогда не поверю, что вы зарабатываете деньги музыкой.

— Ваше право.

— Намин — богатый человек?

— Если бы вы спросили: счастливый человек, то на это еще можно ответить. А богатый... Мне интересно посмотреть на человека, который скажет: да, я богатый. Если иметь в виду миллионы долларов, то их у меня нет.

— А есть ли враги?

— Нет, нету. Точнее, я ни одного не знаю. Даже те, с кем были конфликты, с музыкантами, например, сейчас мои друзья: вместе выступают, пьем водку. Знаете, я заметил, что те, кто занимался шоу-бизнесом и был поначалу очень агрессивен, сейчас стал значительно терпимее, спокойнее. У меня получилось так, что я в хороших отношениях со всеми. А агрессивных, наверное, жизнь поломала, и они теперь понимают, что от агрессии и нахара мало пользы. И теперь идет тенденция к объединению и мирному решению проблем. Многие акции мы проводим вместе.

— А какие ближайшие проекты?

— Планируем 16 сентября организовать музыкальный фестиваль вместе с Абдуловым и Бондарчуком: «Задворки» и «Положение» в гостях у Центра Стаса Намина. Экологический концерт в Зеленом театре. Приглашаем всех желающих, так как шоу будет разнообразным и представительным и продлится с полудня до полудня.

— Вы женаты?

— Да, девять лет. У меня дочка Маша от первого брака, ей 16 лет, она учится в Швейцарии, а в каникулы работает у меня секретарем. И два мальчика: Роман — 11 лет и Артем — 2 года.

— Говорят, вы пробуете себя в кинематографе?

— После «Нескучного сада», который я продюсировал, было много предложений. Я остановился на проекте Арнольда Шварценегера «Крестоносцы»: буду его финансировать и играть одну из ролей второго плана — его оруженосца. Вот, кстати, и фотографии с кинопроб. Ранее нигде не опубликованные.

— Ну что ж, давайте, мы опубликуем...

Вошел американский дизайнер, Стас вскочил, поздоровался и усадил его за журнальный стол, ничуть при этом не хромая. Увидев мой удивленный взгляд, он сказал:

— Ну ладно. Только из любви и уважения к «Собеседнику». Естественно, никакой дуэли не было. Разумеется, Алла Борисовна Пугачева прекрасно знала, что у меня будет на обложке, и одобрила. Это я вам первому говорю. А всю эту игру в скандал мы придумали для проверки бдительности некоторых неопытных журналистов. Рад, что «Собеседник» на приманку не клюнул. Поэтому раскрою еще один секрет: этот портрет, только увеличенный и в изящной рамке, висит у Фили и Аллы в квартире — так он им нравится.

Рубен БЕКНАЗАР-ЮЗБАШЕВ.

P.S. Подзаголовок для интервью придуман Александром Абдуловым (Ленком), который может зайти за гонораром.

Анастасу Микояну (Стасу Намину) — едва за сорок, и просьба не путать его с великим дедом, о котором сплагали легенды и поговорицы («...самый смелый из армян — Баграмян, самый главный из армян — Микоян» или «От Ильича до Ильича без индаркта и паралича»).

фото Сергея Снегурова